
Научная статья
УДК 811.3523
DOI: 10.31007/2306-5826-2022-3-54-69-75

СПОСОБЫ ОБРАЗОВАНИЯ ФОРМ ОПТАТИВА В АДЫГСКИХ ЯЗЫКАХ

Залина Рашиadowна Хежева

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, zalinathamadokova9@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6384-4647>

© З.Р. Хежева, 2022

Аннотация. В статье осуществлен комплексный анализ и классификация форм желательного наклонения, которое служит для транслирования говорящим своего желания, хотя выражение побуждения является также функцией императива. Безусловно, эти морфологические категории обладают семантической близостью, а в некоторых случаях и тождественностью. Яркой иллюстрацией выражения широкого спектра модальных значений желательного наклонения являются адыгские языки, которые весьма богаты формами, выражающими желание с различными оттенками, и вопрос о том, какие из них отнести к собственно оптативу, а какие к повелительно-му наклонению вызывает существенные разногласия. В зависимости от контекстуальных условий и интонации побуждение может иметь значение просьбы, приказа или призыва.

В статье отмечается необходимость четкой дифференциации форм повелительного и желательного наклонений, разграничения форм и способов их образования в морфологическом плане для построения парадигматической системы наклонения, как грамматического средства реализации модальных функции в целом.

Ключевые слова: кабардино-черкесский язык, морфология, оптатив, повелительное наклонение, модальность, позвоительная форма глагола

Для цитирования: Хежева З.Р. Способы образования форм оптатива в кабардино-черкесском языке // Вестник КБИГИ. 2022. № 3 (54). С. 69–75. DOI: 10.31007/2306-5826-2022-3-54-69-75

Original article

METHODS FOR FORMING OPTATIVA FORMS IN ADIGE LANGUAGES

Zalina R. Khezheva

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Kabardino-Balkarian Republic, Nalchik, Russia, zalinathamadokova9@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6384-4647>

© Z.R. Khezheva, 2022

Annotation. The article carried out a comprehensive analysis and classification of forms of the desired mood, which serves to broadcast the speaker's desire, although the expression of motivation is also a function of the imperative. Undoubtedly, these morphological categories have semantic closeness, and in some cases even identity. A vivid illustration of the expression of a wide range of modal meanings of the desirable mood are the Adyghe languages, which are very rich in forms expressing desire with various shades,

and the question of which of them can be attributed to the proper optative and which to the imperative mood causes significant disagreement. Depending on the contextual conditions and intonation, the urge may have the meaning of a request, order, or call.

The article notes the need for a clear differentiation of the forms of imperative and desirable moods, the differentiation of forms and methods of their formation in morphological terms to build a paradigmatic mood system as a grammatical means of implementing modal functions in general.

Keywords: Kabardino-Circassian language, morphology, optative, imperative mood, modality, permissive form of the verb

For citation: Khezheva Z.R. Methods for forming optativa forms in Adige languages. Vestnik KBIGI = KVINN Bulletin. 2022; 3 (54): 69–75. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2022-3-54-69-75

В специальной литературе по морфологии адыгских языков желательное наклонение вызывает острую дискуссию в связи с существованием полярных точек зрения по вопросу определения самих форм и способов их образования, а также дифференциации повелительного и желательного наклонений.

В настоящее время фактически все адыговеды не подвергают сомнению сам факт существования желательного наклонения. Однако, дело в том, что адыгские языки чрезвычайно богаты формами, выражающими желание с различными оттенками, и вопрос о том, какие из них являются оптативом, а какие нет, специалисты трактуют по-разному.

В адыгских языках формы оптатива, как уже отмечено нами, весьма разнообразны. Например, в адыгейском языке в пределах желательного наклонения встречаются малопродуктивные формы, которые группируются по их грамматическим признакам: 1) формы, образованные от основы настоящего времени при помощи личных показателей второго лица (*о-нсэу* «будь здоров»); 2) формы, образованные от основы настоящего времени посредством личных показателей второго и третьего лица (*у-е-шх* «чтоб он тебя съел»); 3) формы, образованные от основы настоящего времени вместе с каузативным аффиксом *-гъэ* (*-гъа*) при помощи личных показателей второго и третьего лица (*у-е-гъа-л* «чтоб ты подавился»); 4) очень редко желательное наклонение встречается в форме масдара (*уи-тхьэлэ-н* «чтоб ты утонул»). Однако нужно отметить, что в адыгейском языке все эти группы лексически ограничены. На наш взгляд, данные формы в прошлом были более употребительны и, в основном, явно были связаны с выражением проклинания. Эта семантическая направленность сохраняет силу и до сих пор, хотя сфера подобного применения более ограничена. При всей своей непродуктивности, они объединяются в пределах желательного наклонения единством семантического признака – выражение желания говорящего.

В русском языке доминантным значением данного наклонения является также выражение желания. Эти глаголы по своим факторным характеристикам являются ментальными побудительными: хотеть, желать, жаждать, мечтать и т.д. и обозначают непосредственно наличное у субъекта психическое (ментальное) состояние, определяемое субъективными (физиологическими, эмоциональными и др.) факторами и непосредственно побуждающее его к совершению действия [Категории глагола и структура предложения 1983: 31].

В кабардино-черкесском языке основным значением оптатива является выражение желания, которое может иметь весьма разнообразные оттенки (желание, повеление, просьба с оттенком желания), что делает неоднозначным его безоговорочное отнесение к желательному наклонению. Наверное, именно поэтому так остро стоит вопрос дифференциации форм повелительного и желательного наклонений, поскольку без четкого разграничения в морфологическом плане и обоснованного определения места каждого наклонения в парадигматической системе объективная модальность, которая сопровождает предложение, не будет показательной.

В специальных исследованиях по морфологии адыгских языков позволительная форма желательного наклонения рассматривается в работах отдельных авторов. Еще Т. Борукев выделял повелительно-желательное наклонение [Борукаев 1932], а Б.К. Утижев считает, что повелительно-желательный вид – это особая форма повелительного наклонения [Утижев 1972]. В научных статьях по данному вопросу встречается также определение «позволительная форма глагола», которое относят к желательному наклонению [Меретуков 1985].

Как видим, среди адыгovedов нет единодушия по вопросу о том, к какому наклонению отнести позволительную форму глагола. Ряд исследователей относит ее к самостоятельным грамматическим категориям глагола (Г. Турчанинов, М. Цагов, У. Зекох), другие включают в состав повелительного наклонения (Н. Яковлев, Д. Ашхамаф, Г. Рogaва, З. Керашева, Б. Утижев). Мы придерживаемся мнения, что позволительная форма глагола по своей модальности и семантической направленности – разновидность оптатива. Богатство форм желательного наклонения можно объяснить, видимо, функциональным разнообразием некоторых форм, которые совмещают значения косвенных наклонений. Все встречающиеся разновидности форм с указанным значением можно разграничить на определенные типы выражения оптатива.

Основная форма желательного наклонения (оптатива I) образуется посредством суффикса *-рэт/-щэрэт*. Обычно этот суффикс выражает неосуществимое желание говорящего: *Нобэ узих къеишхашэрэт* «Хотя бы сегодня дождь пошел»; *Сэ къалэм сыкгуарэт* «Хоть бы я в город поехал».

Относительно этих форм мы согласны с мнением М.А.Кумахова, что вариант *-щэрэт* в кабардино-черкесском языке «представляет собой слияние частицы *гуышгъэ*, используемой в оптативных конструкциях с суффиксом *-рэт*: *къэкгуа гуышгъэрэт – къэкгуашгъэрэт* «хотя бы он пришел» [Кумахов 1971]. В настоящее время формы типа *гущэрэт* встречаются довольно редко, в основном в речи женщин более зрелого возраста. Мы не будем останавливаться на способах образования оптатива I, так как они более подробно охарактеризованы в литературе и существующее по их поводу мнение не вызывает возражений с нашей стороны.

В адыгских языках встречается разновидность желательного наклонения, которая употребляется в форме косвенного наклонения и образуется с помощью префикса *-ре* в кабардино-черкесском и *-рэ* в адыгейском языке. В зависимости от контекста этот префикс по своей семантике может иметь оттенки желания или повеления. Здесь тоже не обходится без разночтений по вопросу о том, к какому наклонению (желательному или повелительному) отнести форму с префиксом *-ре/рэ*. Некоторые специалисты относят данную форму к повелительному наклонению, что не лишено оснований с функциональной точки зрения. На наш взгляд, оптатив II отграничивается, хотя и не вполне четко, от собственно повелительного наклонения не только в грамматическом плане, но и в функциональном. Отличия можно проиллюстрировать на формах второго лица единственного числа в повелительном и желательном наклонениях: *тхэ* «пиши», *уы-ре-тхэ* «пусть ты пишешь». Отнесение форм типа *уырежэ* «пусть ты бежишь», *уыреджэ* «пусть ты читаешь» к желательному наклонению и объединение оптатива I и оптатива II под одним названием «желательное наклонение» могут вызвать некоторые возражения, однако представляется более правильным с функциональной точки зрения оптатив II отнести все-таки к желательному наклонению, нежели к повелительному [см. об этом: Кумахов 1971: 236].

Позволительная форма желательного наклонения до сих пор специально не исследовалась с точки зрения ее возможности реализации субъектно-объектных морфем, хотя позволительная форма глагола обладает более широким диапазоном для преобразования структуры, строения личной парадигматики среди других видов желательного наклонения.

Как известно, в адыгских языках, в частности в кабардино-черкесском языке, положительная форма повелительного наклонения в единственном числе выступает без показателей лица: *жэ* «беги», *плъэ* «смотри», а во множественном числе глагол в такой форме всегда сопровождается показателем второго лица множественного числа *ф-хьы* «вы несите», *фы-кӀуэ* «вы идите». В отличие от положительной формы императива позвоительная форма желательного наклонения выступает во всех трех лицах [Грамматика 1957]:

<i>сы-ре-кӀуэ</i>	«пусть я пойду»
<i>у-ре-кӀуэ</i>	«пусть ты пойдешь»
<i>и-ре-кӀуэ</i>	«пусть он пойдет»
<i>ды-ре кӀуэ</i>	«пусть мы пойдем»
<i>фы-ре-кӀуэ</i>	«пусть вы пойдете»
<i>и-ре-кӀуэ</i>	«пусть они пойдут».

В адыгских языках в парадигматике одноличных непереходных глаголов позвоительной формы желательного наклонения встречаются некоторые различия в строении как префикса, так и личных аффиксов:

адыг. <i>сэ-рэ-кӀу</i>	каб. <i>сы-ре-кӀуэ</i>	«пусть я пойду»
<i>уэ-рэ-кӀу</i>	<i>у-ре-кӀуэ</i>	«пусть ты пойдешь»

В кабардино-черкесском языке оптатив может осложняться префиксом *-е(йэ)*, который генетически представляет показатель косвенного объекта. В адыгейском мы видим другую картину: префикс *-е* выступает в двухличных и многоличных глаголах и предшествует префиксу оптатива, а не следует за ним, как это имеет место в кабардино-черкесском языке, где показатель позвоительности не фиксирован, ср.: адыг. *кь-е-рэ-нлъ*, каб. *кьы-р-е-нлъэ* «пусть он сюда посмотрит». Мы согласны с мнением М.А. Кумахова, что в кабардино-черкесском языке осложнение одноличных непереходных глаголов префиксом *-е(йэ)* является инновацией, т.к. присутствие косвенного объекта в одноличных непереходных глаголах не мотивировано с функциональной точки зрения и его появление может быть объяснено стремлением к выравниванию парадигматических рядов [Кумахов 1971].

Известно, что показатель позвоительности *-ре* не имеет четкой позиции в составе глагола кабардино-черкесского языка, тогда как в адыгейском языке *-рэ* всегда занимает препозицию по отношению к корневой морфеме глагола [Рогава, Керашева 1966]: *сэ-рэ-нлъ* «пусть я посмотрю», *шъу-сэ-рэ-нлъ* «пусть я на вас посмотрю», *шъу-кьы-сэ-рэ-нлъ* «пусть вы на меня посмотрите».

Интерес представляет то, что в адыгских языках префикс позвоительности может выступать не только средством оформления позвоительного значения. Кроме основного значения, *-рэ* может выступать в качестве соединительного элемента: адыг. *кьуишхьэмрэ псыхьомрэ* «гора и речка»; каб. *щӀалэмрэ хьыджэбзым-рэ* «парень и девушка».

Бытует также мнение, что данный префикс восходит к падежно-определенному аффиксу *-р*, а *-рэ* и может служить адвербиальным суффиксом, используемым при образовании наречий, выражающих количество или повторяемость действия или способа действия: адыг. *мафэрэ* «днем», *куэдрэ*, *бэрэ* «долго, часто» [Кумахов 1964].

В адыговедении нет единогласия по поводу происхождения префикса *-рэ//ре*. Например, Н.Ф. Яковлев и Д.А. Ашхамаф считают, что *-рэ* местоименного происхождения. Они пишут: «местоименное происхождение этого суффикса ясно из сопоставления его с местоименным префиксом, выражающим лицо орудного и отчасти дательного дополнения в составе глагола. В шапсугском диалекте этот префикс в виде «-рэ» употребляется в качестве показателя обоих чисел непродуктивного

субъекта в сложном спряжении (в том случае, если этот субъект в предложении словесно не выражен перед глаголом), когда в литературном языке мы имеем отсутствие субъектного префикса: шап. *рэ-кӀуагъэ* лит. *кӀуагъэ* «пошел», шап. *рэ-дагъэ* лит. *дагъэ* «шил» (вообще) [Яковлев, Ашхамаф 1941].

Существует точка зрения, что префикс *-ре* – исторически составной аффикс. Согласно этой версии, в формах *абы сэ сы-р-е-хь* «пусть он меня понесет» элемент *-р* выражает значение «пусть» в такой же мере, как и *-ре*. Однако, возможно и другое объяснение: что значение второго элемента показателя позволенности дается здесь показателем субъекта *-е*, т.е. можно допустить, что показатель субъекта слился со вторым элементом показателя позволенности: *абы сэ сы-р-е-хь* – *сы-рӀэ-йы-хь* «пусть он понесет меня» [Утижев 1972]. Возможно, эти утверждения и имеют реальную основу, тем не менее, данные положения требуют более детальной разработки.

Адыгские языки имеют некоторые различия по оформлению личных префиксов в оптативе II: префиксы субъекта в адыгейском выступают с огласовкой *-э*, в кабардино-черкесском – с огласовкой *ы*. Огласовка личных аффиксов первого и второго лица оптатива II в кабардино-черкесском языке тождественна формам прошедшего и будущего времен, в адыгейском – формам настоящего времени. Ср. аналогичное соотношение: адыг. *сэкӀуэмэ* – каб. *сыкӀуэмэ* «если я иду»; *уэкӀуэмэ* – *уыкӀуэмэ* «если ты идешь».

В кабардино-черкесском языке третье лицо единственного числа передается с помощью префикса *-и*, а второе – префиксом *-уы*, т.е. форма выражения субъекта дифференцирована:

с префиксом <i>-ре</i> :	без префикса <i>-ре</i> :
<i>и-ре-кӀуэ</i> «пусть он пойдет»	<i>уы-кӀуэ</i> «пусть» ты пойдешь
<i>и-ре-нлӀэ</i> «пусть он смотрит»	<i>уы-нлӀэ</i> «пусть ты посмотришь»
<i>и-ре-жэ</i> «пусть он бежит»	<i>уы-жэ</i> «пусть ты побежишь»

В глаголах типа *уы-ре-кӀуэ* «пусть ты пойдешь», *уы-ре-нлӀэ* «пусть ты посмотришь» показатель субъекта пребывает во втором лице единственного числа. В формах выражения показателей субъекта третьего лица единственного и множественного чисел также есть расхождения между адыгейским и кабардино-черкесским языками. Эти различия обнаруживаются как в переходных, так и непереходных глаголах в позволенной форме. В кабардино-черкесском языке в позволенной форме переходного глагола в третьем лице единственного числа в начальной позиции выступает показатель *-и*, а в адыгейском в основном аффикс *-е*: каб. *абы ар и-ре-шэ* – адыг. *ац ар е-рэ-щ* «пусть он поведет его»; *абы ар и-ре-хь* – *ац ар е-рэ-хь* «пусть он понесет то».

В кабардино-черкесском языке показатель субъекта третьего лица единственного числа может быть выражен префиксом *-ры*: *сы-ры-ре-хь* «пусть он понесет меня», *ды-ры-ре-хь* «пусть он понесет нас». При анализе выявляются некоторые особенности в передаче показателя субъекта третьего лица множественного числа. Например, «при выражении третьего лица множественного числа переходного субъекта префикс *-а* фонетически сливается с префиксом этого лица *-и/-йы/и* *-е/-йэ/и* и образует с ними префикс *-я(йа)* [Грамматика 1957]. В кабардино-черкесском языке этот префикс реализуется в начальной позиции позволенной формы двухличного переходного глагола в качестве показателя субъекта третьего лица множественного числа: *абыхэм ар я-ре-шэ* «пусть они повезут то»; *абыхэм ар я-ре-хь* «пусть они понесут то». В адыгейском языке в этой роли выступает префикс *-а*: *ахэм ар а-рэ-щ* «пусть они повезут то»; *ахэм ар а-рэ-хь* «пусть они понесут то».

Нужно отметить, что в кабардино-черкесском языке в двухличных переходных глаголах, где конкретными показателями выражается прямой объект и субъект,

показатель третьего лица множественного числа –я нередко переходит в –а, но здесь происходит наращение элемента –р: *сы-ра-ре-т* «пусть меня отдадут»; *сы-ра-ре-хь* «пусть меня понесут».

В адыгейском языке, в отличие от кабардино-черкесского языка, показатель субъекта третьего лица множественного числа –а не имеет никакого наращения: *сэ ахэм с-а-рэ-хь* «пусть они меня понесут»; *сэ ахэм с-а-рэ-т* «пусть они меня отдадут».

Как уже было отмечено, в кабардино-черкесском языке в парадигме глагола префикс позволительности –ре не имеет устойчивой позиции, чего нельзя сказать о префиксе –рэ в адыгейском. Например, в формах типа *фэ сэ сы-вы-ре-шэ* «пусть вы меня поведете» префикс –ре занимает позицию между показателями прямого объекта и субъекта, тогда как в адыгейском языке в примере *шъо сэ сэ-шъо-рэ-хь* «пусть вы понесете меня» префикс –рэ не может выступать в другой позиции, кроме как в препозиции по отношению к основе глагола. Точно также в двухличных переходных глаголах в начальной позиции может выступать префикс –ре, за которым следуют показатели объекта и субъекта: *сэ ар и-ры-з-е-хь* «пусть я понесу то». В адыгейском языке префикс –рэ не может занимать подобной позиции.

В кабардино-черкесском языке в состав показателя позволительности –ре может вклиниться субъект, т.е. в парадигме глагола префикс –ре может функционировать раздельно: *сэ уэ ар у-ры-з-е-т* (показатель косвенного объекта + первый элемент показателя позволительности + показатель субъекта + второй элемент показателя позволительности + основа глагола) [Утижев 1972]. В адыгейском языке в парадигматическом ряду глагола подобное перемещение префикса –рэ невозможно. Следует заметить, что в адыгейском языке показатели, выражающие субъектно-объектные отношения, могут заменять друг друга, тем не менее, позиция префикса –рэ строго сохраняется.

Список источников

- Борукаев 1932 – *Борукаев Т.М.* Грамматика кабардино-черкесского языка. Нальчик: Каб.-Балк. Облнаиздат., 1932. 142 с.
- Грамматика 1957 – *Грамматика кабардино-черкесского литературного языка.* М.: Издательство Академии наук СССР, 1957. 240 с.
- Категории глагола и структура предложения. Л.: Наука, 1983. 245с.
- Кумахов 1964 – *Кумахов М.А.* Морфология адыгских языков. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1964. 271с.
- Кумахов 1885 – *Кумахов М.А.* Словоизменение адыгских языков. М.: Наука, 1971. 341 с.
- Меретуков 1985 – *Меретуков К.Х.* Вопросы строения глагола в адыгских языках. Май-коп: Мецниереба, 1985. 160 с.
- Утижев 1972 – *Утижев Б.К.* Позвоительно-повелительные формы повелительного наклонения в кабардино-черкесском языке // Вестник КБНИИ. 1972. Вып. 5. С. 275–301.
- Яковлев, Ашхамаф 1941 – *Яковлев Н.Ф., Ашхамаф Д.А.* Грамматика адыгейского литературного языка М.–Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1941. 462 с.

References

- BORUKAEV T.M. *Grammatika kabardino-cherkesskogo yazyka* [Grammar of the Kabardino-Circassian language]. Nalchik: Kab.-Balk. Oblnasizdat., 1932. 142 p. (in Russian)
- Grammatika kabardino-cherkesskogo literaturnogo yazyka* [Grammar of the Kabardino-Circassian literary language]. M.: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1957. 240 p. (in Russian)
- Kategorii glagola i struktura predlozheniya* [Categories of the verb and sentence structure]. L.: Nauka, 1983. 245 p. (in Russian)

KUMAKHOV M.A. *Morfologiya adygskih yazykov* [Morphology of the Adyghe languages]. Nalchik: Kabardino-Balkarian book publishing house, 1964. 271 p. (in Russian)

KUMAKHOV M.A. *Slovoizmenenie adygskih yazykov* [Inflection of the Adyghe languages]. M.: Nauka, 1971. 341 p. (in Russian)

MERETUKOV K.Kh. *Voprosy stroeniya glagola v adygskih yazykah* [Questions of the structure of the verb in the Adyghe languages]. Maikop: Metsniereba, 1985. 160 p. (in Russian)

UTIZHEV B.K. *Pozvolitel'no-povelitel'nye formy povelitel'nogo nakloneniya v kabardino-cherkesskom yazyke* [Permissive-imperative forms of the imperative mood in the Kabardino-Circassian language] IN: Vestnik KBNII. 1972. Vyp. 5. P. 275–301. (in Russian)

YAKOVLEV N.F., ASHKHAMAF D.A. *Grammatika adygejskogo literaturnogo yazyka* [Grammar of the Adyghe literary language]. M.–L: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1941. 462 p. (in Russian)

Информация об авторе

З.Р. Хежева – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора кабардино-черкесского языка.

Information about the author

Z.R. Khezheva – Candidate of Philology, Senior Researcher of the Kabardino-Circassian Language Sector.

Статья поступила в редакцию 08.08.2022; одобрена после рецензирования 11.10.2022; принята к публикации 01.12.2022.

The article was submitted 08.08.2022; approved after reviewing 11.10.2022; accepted for publication 01.12.2022.